

Министерство культуры РТ
Национальный музей РТ
Литературно-мемориальный музей А.М. Горького

Горький и Поволжье

*(Материалы Горьковских чтений,
посвященных 135-летию со дня рождения А.М. Горького,
состоявшихся в Казани 26 марта 2003 года)*

Казань
2006

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2)лб

Гл. редактор: Г.С.Муханов

Редакционная коллегия: Л.Г.Алексеева, Л.Б.Белова,

Л.К.Гущина, М.А.Мударисова, Г.Р.Назипова

Горький и Поволжье. (Материалы Горьковских чтений, посвященных 135-летию со дня рождения А.М. Горького, состоявшихся в Казани 26 марта 2003 года). – Казань, 2006. – 88 стр.

С началом ХХI века в Литературно-мемориальном музее А.М. Горького в городе Казани возродилась традиция проведения горьковских чтений. В сборнике опубликованы материалы чтений 2003 года – статьи ученых Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, вузов Нижнего Новгорода, Казани, Ижевска, Воронежа, а также работников музеев Москвы и Казани.

ISBN 5-88442-100-1

© Литературно-мемориальный
музей А.М. Горького в Казани

© Фотоматериалы из фондов
Литературно-мемориального
музея А.М. Горького в Казани

СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В РОМАНЕ М.ГОРЬКОГО «МАТЬ»

Т.П.Леднева (Ижевск)

Долгие годы роман М.Горького «Мать» своей открытой политизированностью вызывал негативную реакцию со стороны ценителей прекрасного. В последние годы появились работы, нацеленные на реконструкцию художественной мысли писателя, проявившейся в романе. Исследователи стремятся объяснить горьковское мировоззрение рубежа XIX – XX веков, которое соединило в себе поиски нравственных идеалов, важнейшие положения христианской религии и современные писателю социалистические общественные идеи.¹

В 1901 году, выражая новое революционное настроение общества, М.Горький написал «Песню о Буревестнике», которая была задана как синтез публицистики и искусства. Пафос учительства, революционно-пропагандистская направленность выпрямляла «героя» (Буревестника), делала его однозначным, схематичным, бесконфликтным. Произведение было обращено прежде всего к классовому, политизированному сознанию читателя, а не к его художественному чувству. Буревестник был символом, маской, но в то же время в нем находила глубокое и верное отражение эмоциональная атмосфера современной М.Горькому действительности, атмосфера предвосхищения нового революционного движения.

О своем политическом выборе М.Горький вспоминал: «С большевиками я с 1903 года и немного раньше»². Поэтому в романе «Мать» автор пытается художественно освоить такую философию революционного действия, которая до него поддавалась только публицистической обработке: политическую борьбу, новые социально-политические идеи.

¹ См. об этом: Вайман С. «Под руинами соцреализма. Человек и идея в повести М.Горького «Мать» // Литературное обозрение. – 1990, – №12; Митин Г. Евангелие от Максима // Литература в школе. – 1990, – №4; Есаулов И. Жертва и жертвенность в повести М.Горького «Мать» // Вопросы литературы. – 1998, – №6; Саськова Т.В. Роман М.Горького «Мать»: культурологические аспекты // Горьковские чтения. – Нижний Новгород, 1994. – С.82-88; Егорова Ю.М. Новое прочтение повести Горького «Мать» // Максим Горький – художник. Горьковские чтения – 2000. – Нижний Новгород, 2002. – С. 119-123 и др.

² В.И.Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. – М., 1969. – С.353.

Обращаясь к роману, мы постараемся ответить на вопрос: какова структура художественного образа в произведении, какие традиции используются Горьким-писателем в принципах изображения героев.

В горьковедении роман «Мать» принято считать двугеройным. Два главных героя – Пелагея Ниловна Власова и Павел Власов – представляют собой разные художественные типы, поэтому и принципы изображения их разные.

Павел – литературный тип героя-идеолога, которого можно сравнить с «новыми людьми» Н.Г.Чернышевского. Он наделён ясным разумом, сильной волей, способностью к действенному преобразованию жизни. Его мировоззрение основано на рациональном восприятии мира. «Хочу знать правду»³, – отвечает он Ниловне на вопрос о причинах своего изменения. «Только разум освободит человека!» – утверждает Павел в споре с Рыбиным. Интонации героя в большинстве случаев императивны, повелительны («Мы должны узнать, должны понять...», «Нужно знать всю правду...», «Мы должны показать врагам...», «Нам это не нужно...» и т.д.).

Павел претендует на всеобщность и непреложность понятой и принятой им социалистической идеи. Герой изначально статичен: мы видим не развитие внутреннего мира Павла Власова, а только становление его политического сознания. Поэтому тот жизненный путь героя, который дан в романе, является лишь сменой социального статуса: почти каждое появление Павла сопровождается изменением его внешности, поведения, строя мысли, речи, процесс же качественного, внутреннего преобразования не является предметом изображения. Подобный принцип изображения героя отсылает нас к романтической традиции, с её изначально заданной героизированной личностью, по сути своей неспособной на изменение. На глубинном уровне эта традиция связана с древнерусским жанром житийной литературы, которая отличается стремлением к изображению идеала. «Житие святого, – пишет В.М.Живов – это не столько описание жизни, сколько описание его пути к спасению, типа его святости. Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения того пути в Царствие небесное, который проложен данным святым. Житие абстрагирует эту схему спасения, и

³ М.Горький Собрание сочинений.: В 16 т. – М., 1979. – Т.4. – С.26, В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

поэтому само описание жизни делается обобщённо-типическим»⁴. Если исходить из того, что Горький в своем романе пользуется этим канонem, то становится понятным и «монашеский» образ жизни Павла, и его рассуждения о семье и браке, и пафосность его речи, и размытость, неконкретность его образа. Павел оказывается ориентирован на особый тип христианского святого — так называемого «подвижника», чья святость оправдана деятельным подвигом во имя Христово. Этот тип святого не ограничивается лишь постоянной молитвой и благочестивым образом жизни, но основан на миссионерской (апостольской) деятельности святого.

С этой точки зрения становится понятен и выбор имени главного героя. Как известно, у Горького семантика имени несёт особую смысловую нагрузку. Часто имя даёт необходимую полноту информации о герое и представление о движении авторской мысли. В романе имена героев (Павел, Андрей, Исай и т.д.), отличаются своей укорененностью в православной традиции. Например, «Павел» — имя, непосредственно указывающее на одного из *евангельских апостолов*. Апостол Павел, или «тринадцатый апостол», не входил в число двенадцати первоапостолов, но для распространения христианства сделал едва ли не больше каждого из них. Происходящий из знатного рода, Савл (иудейский аналог имени Павел) после голгофских событий был одним из главных гонителей христиан до тех пор, пока Спаситель не отметил апостольским даром его самого. В Евангелии говорится, что «Савл терзал церковь, входя в дома, и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян., 8:3). Но однажды по пути к Дамаску внезапно осиял его свет с неба. Он упал и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? И сказал он: Кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, которого ты гонишь; Трудно тебе идти против рожна (Деян., 9:1-5). Поражённый божественным светом, Савл на несколько дней ослеп, а прозрев, крестился под именем Павла и стал проповедовать о Сыне Божьем⁵. Таким образом, скрытый за этим именем евангельский эпизод как бы дополняет лейтмотив духовного прозрения, пронизывающий горьковский роман, и обогащает его новыми смыслами.

Павел вошел в Священную историю не только как автор четырнадцати из двадцати одного посланий Евангелия и основатель

⁴ Живов В.М. Святость. — М., 1994. — С.10.

⁵ Библийская энциклопедия. — М., 1891. — С.542-546.

(вместе с апостолом Петром) Римской церкви, но и как «апостол язычников», образец того самого «подвижнического» типа святости, на который и ориентирован образ героя. Таким образом, становится ясно, что революционная деятельность Павла Власова является деятельностью новоапостольской, своеобразным повторением подвига апостола Павла и через него подвига Иисуса Христа. Именно таким представляется Матери путь её сына. Косвенным подтверждением тому является и фамилия героя – Власов, которая может быть истолкована следующим образом: во-первых, фамилия происходит от имени Влас (от греч. Влах), что значит «простой, грубый, неповоротливый», указывает на отца Павла, Михаила Власова, обладавшего всеми этими качествами. Но в то же время имя «Влас» представляет собой неполный *полидром* имени «Савл», так что соединение «Павел Власов» лишь подтверждает его евангельскую направленность.

Иные принципы изображения Пелагеи Ниловны Власовой. Героиня в познании нового проходит истинный, органический путь, сохраняя себя как личность. Она не «раба идеи», как «новые люди», а лишь её выразитель, адаптировавший социалистическую идею к своим ценностям и внутреннему миру. Из всех героев романа она ближе всего стоит к идеалу «божьего» человека – мягкого, неизъяснимо кроткого и благожелательного, доброго и сердечного. Её положение в тексте исключительно: почти все события и действующие лица видятся через её вездесущее и неуспянное наблюдение за ними. Автор всё время напоминает о её присутствии, ориентируется на точку зрения героини («Мать, зорко следя за ним, видела...», «Матери понравилось...», «Мать не понимала о чём кричат...» и т.д.). Мы видим, как непосредственное изображение событий и лиц уступает место размышлениям Матери. Её взгляд – это своего рода нравственное просвечивание, доброжелательный, но нелицеприятный суд над каждым персонажем.

Ниловна в начале романа предстаёт уже сформировавшимся, сорокалетним человеком, сумевшим приспособиться к жизни. Забитая, богобоязненная и покорная, она советует сыну остерегаться людей, так как они ненавидят друг друга. Автор не случайно называет возраст Ниловны. Он значим с точки зрения религиозной символики: напоминает о сорока годах, проведённых еврейским народом в пустыне. Для героини сорок лет её жизни – духовная «пустыня», в которой она «ничего не видела, кроме мужа, ничего не знала, кроме страха...»

Для понимания образа Ниловны важен не столько её возраст или семантика имени, сколько тот смысл, который автор сознательно вкладывает в её материнскую роль. Материнство как символ имеет несколько уровней истолкования: архетипический, христианский, общечеловеческий.

В языческих религиях и мифологиях всех народов женское божество занимает важное место: Богиня-мать, Родоначалница, Великая Матерь Богов связаны прежде всего с землёй, с важнейшими культами, обеспечивающими жизнь общества, успешную хозяйственную деятельность, появление на свет новых поколений. В Ниловне исконно русский архетип «Мать – сыра земля» проявляется в первую очередь в её деревенском, крестьянском происхождении (показательно название села, откуда она родом, – Воскресенское), в её родовом, а не индивидуалистическом типе мышления. Её воспринимают в качестве Матери не только товарищи Павла, но и сверстники и даже люди старше её. Такая архетипическая наполненность позволяет героине выступать не только носителем, но и хранителем духовного опыта поколений.

Христианская символика Матери-Богородицы, на образ которой проецируется Ниловна, играет в романе утилитарную роль, так как способствует осмыслению революционной идеи через уже сформированное мировоззрение. Для читателя такая трактовка образа героини задаёт весьма определённый контекст понимания многих поступков и высказываний героев, а также обуславливает мировосприятие самой Ниловны и её отношение к сыну. Например, «ей... было приятно видеть, что к сыну пришел пожилой человек и говорит с ним, точно исповедуется» (это напоминает разговор Христа с фарисеем Никодимом (Евангелие от Иоанна 3: 1-21)), или: «и ещё раз перед нею во тьме сверкнул и лёг светлой полосой путь Павла и всех, с кем он шёл». А лица многочисленных товарищей её сына сливаются «в одно: худое, спокойно решительное, ясное лицо с глубоким взглядом темных глаз, ласковым и строгим, точно взгляд Христа на пути в Эммаус».

В романе не раз указывается на то, что Ниловна подсознательно проецирует образ Павла на свое представление о Христе, а потому деятельность социалистов постепенно начинает ассоциироваться для неё с деятельностью первохристиан. С этой точки зрения объяснимо, почему Павел в тексте последовательно «развоплощается», становясь всё более похожим на некую словесную икону («она - не видя – видела лицо сына, его бронзовый лоб и глаза,

горевшие ярким огнём веры», по сути, это уже не лицо, а лик). В сознании Ниловны соединяются религиозное чувство и всеобъемлющий материнский инстинкт. Своего апогея этот процесс достигает в сцене первомайской демонстрации, которая осознаётся участниками не просто как политическая акция, но как некое ритуальное действие, напоминающее крестный ход. Это подтверждается в формулировках, даваемых самими героями: «...сегодня, в *светлый день* Первого мая...»; «Мы пошли теперь *крестным* ходом во имя нового, бога света и правды, бога разума и добра! Далеко от нас наша цель, терновые венцы – близко!»; «Мы зовём с собой тех, кто *верует* в победу нашу...»

Для матери первомайская демонстрация – момент духовного прозрения, опознание неузнанного до сих пор Христа: «Вы не беспокойтесь!- бормотала мать. - Это святое дело... Вы подумайте – ведь и Христа не было бы, если бы его ради люди не погибали! Эта мысль вдруг вспыхнула в её голове и поразила её своей ясной, простой правдой».

Два сильных чувства (любовь к сыну и Богу), определяющих жизнь Матери, в эту минуту сливаются в одно ощущение «большой, всё и всех обнимающей любви», которое рождает в её сердце новую правду: «Идут в мире дети наши к радости, - пошли они ради всех и Христовой правды ради – против всего... поверьте сыновним сердцам – они правду родили, ради её погибают!»

Таким образом, в сцене демонстрации и следующей за ней сцене сна Ниловны происходит экспликация всех ранее скрытых религиозных смыслов романа. Внутренний сюжет воскресения души, завершаясь для Матери, переходит на новый, качественно иной уровень и приобретает метаисторический смысл («заколочена душа наглухо, ослепла, не слышит...», – в начале романа – и «Душу воскресшую – не убьют!» – в конце).

Если архетипический и христианский уровни позволяли Ниловне выступить в роли хранительницы как народного, так и культурного, духовного опыта, то третий, общечеловеческий уровень, вбирающий в себя значение двух первых, окончательно утверждает её особую роль в романе.

Автор считает, что только в сознании Ниловны, основанном на безграничной материнской любви ко всему живому, социализм, соединившийся с религиозным чувством, может существовать как органическое, целостное мироотношение. Идея революционного

насилия и революционного изменения мира может быть оправдана, по мнению автора, если эта идея понята и принята Матерью.

Как мы видим, Ниловна относится к принципиально иному типу героя в русской литературе, нежели Павел, - типу, созданному традицией литературы русского критического реализма. В основе изображения героини лежит психологический анализ. Сюжет Ниловны – это высвобождение от чувства страха и обретение полноценного личностного существования. Таким образом, в центре внимания автора оказывается духовный путь героини. Создавая образ Пелагси Ниловны, М.Горький, на наш взгляд, проверяет свою философему: «человека создает его сопротивление окружающей среде».

Мы рассмотрели главных героев романа «Мать» и обнаружили, что литературная традиция в их описании соединяется с религиозно-христианской. Это делает сам образ объёмным, утрачивающим политическую однозначность, а именно такая трактовка героев как раз укоренилась в советском горьковедении. Рассмотрение обозначенной проблемы позволяет говорить о том, что автор как явление эстетическое не совпадает с исходной политической идеей, предпосланной этому художественному произведению.